

УДК 929(470) Сахаров А.
ББК 63.3(2)6-8 Сахаров А.
3-45

3-45 «**Андрей Сахаров**, Елена Боннэр и друзья: жизнь была типична, трагична и прекрасна» / авт.-сост. Борис Альтшулер, Леонид Литинский. — Москва: Издательство АСТ, 2020. — 704 с. — (Люди, эпоха, судьба...).

ISBN 978-5-17-110852-6

Книга, которую читатель держит в руках, составлена в память о Елене Георгиевне Боннэр, которой принадлежит вынесенная в подзаголовок фраза «жизнь была типична, трагична и прекрасна». Большинство наших сограждан знает Елену Георгиевну как жену академика А.Д. Сахарова, как его соратницу и помощницу. Это и понятно — через слишком большие испытания пришлось им пройти за те 20 лет, что они были вместе. Но судьба Елены Георгиевны выходит за рамки жены и соратницы великого человека. Этому посвящена настоящая книга, состоящая из трех разделов: (I) Биография, рассказанная способом монтажа ее собственных автобиографических текстов и фрагментов «Воспоминаний» А.Д. Сахарова, (II) воспоминания о Е.Г. Боннэр, (III) ряд ключевых документов и несколько статей самой Елены Георгиевны. Наконец, в этом разделе помещена составленная Татьяной Янкевич подборка «Любимые стихи моей мамы»: литература и, особенно, стихи играли в жизни Елены Георгиевны большую роль.

УДК 929(470) Сахаров А.
ББК 63.3(2)6-8 Сахаров А.

16+

Художественно-документальная публицистика

«АНДРЕЙ САХАРОВ, ЕЛЕНА БОННЭР И ДРУЗЬЯ:
ЖИЗНЬ БЫЛА ТИПИЧНА, ТРАГИЧНА И ПРЕКРАСНА».

Все права защищены.

Ни одна часть данного издания не может быть воспроизведена или использована в какой-либо форме, включая электронную, фотокопирование, магнитную запись или какие-либо иные способы хранения и воспроизведения информации, без предварительного письменного разрешения правообладателя.

Руководитель проекта *Илья Данишевский*
Ответственный редактор *Виктория Гендлина*
Компьютерная верстка *Анны Грених*
Дизайн обложки Анна Чернышева

Подписано в печать 15.11.2019. Формат 60х90/16 Усл.печ.л.50
Тираж 2000 экз. Заказ №

Общероссийский классификатор продукции
ОК-034-2014 (КПЕС 2008): — 58.11.1 — книги, брошюры печатные

Произведено в Российской Федерации. Изготовлено в 2019 г.
Изготовитель: ООО «Издательство АСТ»

129085 г. Москва, Звездный бульвар, д. 21, строение 1, комната 705. пом. 1, 7 этаж
Наш электронный адрес: www.ast.ru

«Баспа Аста» деген ООО

129085, Мәскеу қаласы, Звездный бульвары, 21-үй, 1-құрылым, 705-бөлме, 1-жай, 7-қабат
Біздің электрондық мекенжайымыз: www.ast.ru

Интернет-магазин: www.book24.kz. Интернет-дүкен: www.book24.kz

Импортёр в Республику Казахстан ТОО «РДЦ-Алматы».

Қазақстан Республикасындағы импорттаушы «РДЦ-Алматы» ЖШС.

Дистрибьютор и представитель по приему претензий на продукцию в республике Казахстан:

ТОО «РДЦ-Алматы» Қазақстан Республикасында дистрибьютор

және өнім бойынша арыз-талаптарды қабылдаушының

өкілі «РДЦ-Алматы» ЖШС, Алматы қ., Домбровский көш., 3а, литер Б, офис 1.

Тел.: 8(727) 251 59 89, 90, 91, 92. Факс: 8(727) 251 58 12, вн. 107; E-mail: RDC-Almaty@eksmo.kz

Өнімнің жарамдылық мерзімі шектелмеген.

Өндірген мемлекет: Ресей. Сертификация қарастырылмаған

ISBN 978-5-17-110852-6

© Борис Альтшулер, Леонид Литинский, текст
© ООО «Издательство АСТ»

Эта книга не состоялась бы без участия в ее создании детей Елены Георгиевны Боннэр — Татьяны Янкелевич и Алексея Семенова. Большой вклад в поиск и подготовку материалов внесли Илья Бурмистрович и Бэла Коваль. Александр Литой помог записать воспоминания тем, кому такая помощь требовалась. Мы воспользовались обширной коллекцией фотографий Архива Сахарова (Москва). Нас неизменно поддерживали Иван Ковалев, Александр Подрабинек, Геннадий Семенов, Алексей Смирнов и Екатерина Шиханович. Нам было приятно работать в такой компании, и мы благодарны друзьям за помощь. Надеемся, книга найдет своего читателя.

Борис Альтшулер, Леонид Литинский

ВСПОМИНАЯ ЕЛЕНУ ГЕОРГИЕВНУ БОННЭР

После того, как в декабре 1989 года не стало А.Д. Сахарова, жизнь Елены Георгиевны Боннэр была в значительной мере посвящена сохранению памяти о нем. По ее инициативе в марте 1990 создается существующая и поныне Общественная Комиссия по сохранению наследия академика Сахарова (поначалу название было иным). Тогда же в США образован Фонд Андрея Сахарова, все эти годы являющийся партнером Общественной Комиссии. В мае 1991 года в Москве состоялся Первый Международный Конгресс памяти Сахарова «Мир, прогресс, права человека». В 1993 году в США основан Архив Андрея Сахарова. В Москве, в 1994 году образован действующий и сегодня Архив Сахарова, а в 1996 — Музей и общественный центр «Мир, прогресс, права человека». В 2005 Елена Георгиевна сложила с себя обязанности председателя Общественной Комиссии, но до конца жизни активнейшим образом участвовала в формировании ее деятельности. В 2006 году она издала комментированные «Дневники» Сахарова.

Елена Георгиевна ратовала за то, чтобы работа Общественной Комиссии была в максимальной степени посвящена А.Д. Сахарову. Чтобы проблемы гражданского общества нового времени в проектах Комиссии показывались через призму биографии Сахарова, его отношения к правам человека и обязанностям гражданина. Наверное, она была права, хотя реализовать такой подход очень трудно.

Настоящая книга была задумана в 2015 году для того, чтобы собрать непосредственные свидетельства о Елене Георгиевне. Постепенно план книги усложнился, в ней появились и другие разделы. Мы надеемся, что книга послужит сохранению памяти о ярком человеке и замечательном товарище, каким была Елена Георгиевна Боннэр.

24 августа 2017

Председатель Общественной Комиссии Вячеслав Бахмин
Президент Фонда Андрея Сахарова (США) Алексей Семенов

ПРЕДИСЛОВИЕ

«Кто не жалеет о распаде СССР, у того нет сердца, кто думает, что можно вернуться обратно, у того нет ума», — сказала Елена Боннэр в одном из интервью начала 1990-х. Сейчас уже невозможно выяснить, она ли или кто-то другой автор этой летучей фразы, давно ставшей фольклором и, согласно поисковику, не раз повторенной к месту самыми разными людьми, включая лидеров России, Украины, Казахстана. Елена Георгиевна Боннэр (1923-2011) без сомнения дитя СССР в его двух, говоря обобщенно, самых характерных ипостасях: замечательные идеалы дружбы, взаимопомощи, равенства между людьми (никакого расизма, национализма, никаких простых и знатных, богатых и бедных) — это с одной стороны. А с другой стороны чудовищное несоответствие этих идеалов с реальностью, в которой жили, умирали и умерщвлялись граждане первой в мире страны победившего социализма. И Люся Боннэр еще подростком оказалась в эпицентре этого непостижимого несоответствия, включая самые страшные его проявления.

Этот трагический разлом — удел многих честных представителей тех советских поколений. Однако героиня этой книги — дело особое, фигура, по-своему, уникальная, и до сих пор остающаяся во многом загадочной. Действительно, кто еще мог бы превратить аудиенцию (ноябрь 1975 г.)¹ у Папы Римского Иоанна Павла II в чтение великой русской поэзии. Папа, которого в детстве приобщил к стихам Некрасова и Надсона живший у них в доме русский студент, вспоминал первую строчку, а Е.Г., как она рассказывала, читала стихотворение до конца: «От ликующих, праздноболтаю-

¹ Эту встречу, как и две другие в 1985 и 1989 годах (последняя совместно с А.Д. Сахаровым), организовала близкий друг Иоанна Павла II Ирина Алексеевна Иловайская-Альберти (1924-2000), главный редактор газеты «Русская мысль» в 1979-2000 гг. — Сост.

щих, / Обагрятющих руки в крови / Уведи меня в стан погибающих / За великое дело любви» (Некрасов, «Рыцарь на час»). И продолжалось это более часа к огромному удовольствию высоких участников встречи. Или примеры иного рода: выступления Елены Боннэр в Осло 11-12 декабря 1975 г. — в рамках церемонии получения ею Нобелевской Премии Мира Андрея Сахарова¹. Только очень незаурядный человек мог найти такие точные и масштабные слова. «Она ведь всё это сама придумала!», — сказал мне Андрей Дмитриевич с восхищением, когда мы встретились с ним на семинаре в ФИАНе через несколько дней после его возвращения из Вильнюса².

Это к вопросу об уникальности нашей героини. А теперь о ее до сих пор не разрешенной загадке. Впрочем, это загадка всего предперестроечного завершающего периода существования СССР. Просто в судьбе Е.Г. Боннэр эти странности проявились очень наглядно. И правда, как объяснить, что после высылки Сахарова в Горький 22 января 1980 г. Елене Георгиевне разрешили не только сопровождать его, но вернуться, дать пресс-конференцию иностранным журналистам и, главное, потом 4 года и 3 месяца, до момента задержания в аэропорту Горького 2 мая 1984 г., совершить множество челночных поездок Горький-Москва-Горький... Благодаря чему, ссыльный Сахаров имел возможность и продолжал выступать по острым общественным вопросам, включая вопросы ядерного разоружения. Всё это было сопряжено с немалыми трудностями и тем не менее продолжалось, несмотря на весьма чувствительные «крысиные» (вспомним гамлетовское: «Крысы, крысы!») укусы и издевательства вроде постоянного шурования в квартире в отсутствие хозяев — с пропажей личных вещей, воровства рукописей, порчи автомобиля, пресечения контактов с людьми, травли и т.п.³ И как понять, что человек, которому высшие руководители СССР дают характеристики: «Зверюга в юбке, ставленница империализма», «Злобы у нее за последние годы прибавилось», «Вот что такое сионизм» (М.Зимьянин, Г.Алиев, М.Горбачев — из стенограммы заседания Политбюро ЦК КПСС 29 августа 1985 г.⁴) получает эксклюзивное разрешение на выезд из ссылки в Горьком в США для проведения операции на сердце? Известно, что это решение «продавил» через Политбюро

¹ Сам А.Д. Сахаров, вместе с друзьями-правозащитниками, был в эти дни в Вильнюсе перед зданием суда, где судили Сергея Ковалева. — Сост.

² «Без меня она никогда не меняет ни одного слова в моих документах и рукописях (единственное исключение — Нобелевская лекция, которая оказалась недоделанной...)», — А.Д. Сахаров, «Воспоминания» [3] стр. 484. — Сост.

³ «Похороненным заживо» Сахаров стал после того, как Елену Георгиевну в мае 1984 г. заперли в Горьком, что, наряду с понятным желанием спасти свою жену, явилось причиной двух его мучительных голодовок в 1984 и 1985 гг. — Сост.

⁴ <http://www.sakharov-center.ru/asfcd/auth/?t=page&num=2124>

Горбачев, избранный Генеральным секретарем ЦК КПСС в апреле того же года. Он же полтора года спустя, в конце декабря 1986 года, вернул Сахарова и Боннэр в Москву. Но остается вопрос: почему такое внимание к личности Елены Георгиевны на высшем политическом уровне СССР?

Подобных вопросов, и не только про Елену Боннэр, немало. Почему Александра Солженицына за публикацию за рубежом его великого «ГУЛАГа» не посадили, а в феврале 1974 г. выслали из страны? Известно, что эта дилемма также обсуждалась на заседании Политбюро. Да, всё это было — лагеря и ужасы карательной психиатрии, а в ряде случаев и убийства оппозиционеров. Но почему при этом многим диссидентам предлагали альтернативу: либо лагерь, либо эмиграция по приглашению из Израиля? «Андрей Дмитриевич, почему Вас «случайно» не задавят на улице как Михоэлса? Мир пошумит недельку, а потом забудет. Наверняка такие предложения поступают. Кто там в Кремле заступается?», — спросил я Сахарова во время первой анисахаровской кампании в августе–сентябре 1973 г. (эта кампания, начавшаяся известным письмом 40 академиков, была ответом власти на интервью Сахарова иностранным журналистам 21 и 23 августа 1973 г., в которых он заявил, что «экономическая разрядка» при отсутствии демократических реформ в СССР представляет угрозу международной безопасности и «может привести к заражению мира тем злом, которое гложет Советский Союз»¹). На мой вопрос про «заступников» в Кремле Сахаров ответил примерно так: «мы не должны об этом думать; наше дело настаивать на открытости, демократизации, соблюдении прав человека, и результаты, возможно, последуют». Андрей Дмитриевич понимал, что у загнивающей системы, каковой был СССР периода застоя, есть только два пути — гибель или обновление. А значит и в высшем руководстве СССР могли быть люди, это понимающие, т.е. «реформаторы». Но были и «вечно вчерашние», те, кто ничего не понимал и не желал «поступаться принципами»². «Подковерные» противоречия, противоборство, «перетягивание каната» на высшем уровне в Кремле и приводило, как можно предположить, к указанным выше и ко многим другим «странностям». К сожалению, консерваторы — те самые, кто распространял во времена СССР и даже сегодня продолжают распространять грязь и клевету в адрес А.Д. Сахарова и Е.Г. Боннэр³, оказались достаточно сильны, чтобы серьез-

¹ «Андрей Сахаров. Pro et contra» ([8], стр. 88–99). — Сост.

² Ср. показательную статью начала перестройки: Нина Андреева «Не могу поступаться принципами» («Советская Россия», 13 марта 1988 г.). — Сост.

³ См. стр. 120–128. В 2003 г. в издательстве «ЭКСМО — Алгоритм» была переиздана вышедшая в начале 1983 г. книга Н.Н. Яковлева «ЦРУ против СССР», в которой «достается» не только Сахарову и Боннэр, но многим другим. Вот, например, что пишет автор об Александре Исаевиче Солженицыне: *«Среди тысяч и тысяч авторов на службе ЦРУ вместе с изменником Родины американско-английским*

но затормозить реформы, что и сделало гибель СССР неизбежной. А «последний гвоздь» они вбили путчем августа 1991 года.

В связи с явной неординарностью, значимостью и силой личности Елены Боннэр представляется уместным здесь же, не откладывая, дать ответ на главную «грязь и клевету» о «подкаблучнике» Сахарове, ставшим «матерым антисоветчиком» под влиянием этой «зверюги в юбке». Я познакомился с Сахаровым в начале 1968 г., довелось обсуждать с ним разные вопросы, не только физику, был я в марте 1969 г. на похоронах его первой жены Клавдии Алексеевны Вихиревой (1919-1969), знаю, как тяжело перенес эту утрату Андрей Дмитриевич. Сахаров познакомился с Еленой Боннэр через 1,5 года, а поженились они через три года после той утраты. Так вот, в «диссидентских» демонстрациях в День Конституции 5 декабря на Пушкинской площади Сахаров участвует с 1966 года¹, а его знаменитые «Размышления о прогрессе, мирном сосуществовании и интеллектуальной свободе» 1968 года (изданные к 1970 году на Западе общим тиражом 18 миллионов экз.) печатала для Сахарова машинистка ядерного центра «Арзамас-16» (г. Саров), а среди первых их слушателей была Клава Вихирева. И «безумное» (с точки зрения «ядерного» окружения и руководства А.Д. Сахарова) решение запустить рукопись «Размышлений» в самиздат под своим реальным именем Сахаров принял задолго до знакомства с Еленой Боннэр. «Почему Вы решили обратиться за рубеж?», — спросил мой отец Сахарова, после того, как в начале июля 1968 г. «Размышления» появились в западной прессе, что вызвало шок в Кремле, в Средмаше² и, конечно, у них в ядерном центре в Сарове. «Я обратился к тем, кто готов меня слушать», ответил Андрей Дмитриевич³. И ответ этот был математически точным, потому что за год до того основные идеи «Размышлений» о необходимости договариваться с США о ядерном разоружении, о том, что про-

шпионом Пеньковским стоит рядом человек тех же моральных качеств — Солженицын. В 1957–1958 годах по Москве шнырял малоприметный человек, изъеденный злокачественной похотью прославиться. Он нащупывал, по собственным словам, контакты с теми, кто мог бы переправить на Запад и опубликовать пасквили на родную страну. Товар был самого скверного качества» (стр. 207). Хвалебное предисловие к этому переизданию 2003 года написал Ф.Д. Бобков, начальник 5-го управления КГБ СССР (1969–1983 гг.), заместитель Председателя КГБ СССР (1983–1991 гг.), руководитель Аналитического управления холдинга АО Группа «Мост», принадлежавшего В. Гусинскому (1992-2001). — Сост.

¹ Инициатором таких демонстраций под девизом «Соблюдайте вашу Конституцию» и организатором первой из них в 1965 году был известный математик Александр Есенин-Вольпин (1924–2016), кстати, — сын Сергея Есенина. — Сост.

² Министерство среднего машиностроения СССР — головной орган ядерного проекта Советского Союза.

³ Л.В. Альтшулер, «Рядом с Сахаровым» ([9] стр. 113–121). — Сост.

должение конфронтации грозит гибелью человечества, Сахаров изложил в письме на имя главного партийного идеолога СССР М.А. Суслова. И получил, как обычно, ничего не значащую отписку, после чего и принял решение обратиться «к тем, кто готов его слушать».

И вряд ли под влиянием Люси Боннэр Сахаров произнес свой «неуместно-пацифистский» тост на банкете в честь успешного испытания сверхбомбы 22 ноября 1955 г. В ответ на этот тост руководитель испытаний маршал Неделин¹ рассказал скабрзную шутку, смысл которой: вы — ученые создавайте эти изделия, а как их применять мы без вас разберемся. Как они умеют «разбираться» наглядно показала трагедия 24 октября 1960 года, когда по вине М.И. Неделина, бывшего тогда Главкомом ракетных войск стратегического назначения, по причине нарушения им элементарных норм техники безопасности заживо сгорели он сам и более ста участников испытаний². Сахаров в течение 20 лет находился внутри этой системы, внутри треугольника: военно-промышленный комплекс — высший генералитет СССР — высшее партийное руководство страны, и не было у него никаких иллюзий по поводу понимания правил техники безопасности людьми, палец которых — на ядерной кнопке. И задолго до знакомства с Еленой Боннэр он сознавал, что спасти человечество от термоядерного конца могут только реальные внутренние реформы в СССР. Конечно, и Сахаров, и Курчатов, и Харитон, и другие пионеры советского ядерного проекта, включая моего отца, создавали страшное оружие, движимые высоким патриотическим чувством, сознанием крайней необходимости восстановить стратегическое ядерное равновесие с США. Однако, представляется, что Сахаров был единственным в СССР, кто не только сознавал всё возрастающую неустойчивость «равновесия страха», угрожающую самому существованию человечества, но готов был практически действовать, чтобы предотвратить катастрофу.

И ведь что удивительно: эта чудовищная опасность действительно была устранена в конце 1980-х годов, когда в результате российско-американских договоренностей о сокращении ядерных вооружений человечество сделало шаг назад от термоядерной пропасти. А эти спасительные договоренности стали возможны только благодаря изменению мирового общественного климата под влиянием правозащитной деятельности Андрея Сахарова, Елены Боннэр, других советских правозащитников, их борьбы за каждого конкретного человека, ставшего жертвой тоталитарной системы.

¹ Неделин Митрофан Иванович (1902-1960), с марта 1955 г. заместитель министра обороны СССР, и с декабря 1959 г. — одновременно главнокомандующий Ракетными войсками стратегического назначения. — Сост.

² См. подробнее в Приложении 4 (извлечение из «Воспоминаний» А.Д. Сахарова). — Сост.

Нет, Сахаров заведомо не был «подкаблучником». И если этот на вид не очень уверенный в себе, немного заикающийся, постоянно размышляющий и практически никогда не вступающий в спор человек что-то для себя решал, то это был абсолютный кремень. Елена Георгиевна наглядно это описала в эссе «Четыре даты»¹ — в связи с ее и Софьи Васильевны Каллистратовой² безуспешными попытками отговорить его от заявления о возможной причастности КГБ к взрывам в московском метро в январе 1977 года.

Андрея Сахарова и Елену Боннэр многое объединяло. Это и готовность откликнуться на просьбу о помощи, и общее понимание того, что называется емким словом «справедливость», и то, что в основе этого понимания были нравственные установки семьи (интересно, что у каждого из них была любимая бабушка — главный человек детства), это и любовь к поэзии (но если Елена Георгиевна — энциклопедия и русской классической, и советской поэзии, то Андрей Дмитриевич до знакомства с ней обитал, главным образом, в XIX веке — там, где Пушкин). Однако, если мы от вопросов культуры, гуманизма и помощи конкретным людям перейдем к вопросам военно-политическим, то тут Сахаров был, пожалуй, единственным экспертом среди правозащитников-диссидентов 1960–1980 годов, причем таким экспертом, мнения которого внимательно изучались и учитывались в высших правительственных кругах СССР и США.

Необходимо отметить еще одно обстоятельство — общее для этих двух уникальных людей: волею судьбы и Андрей Дмитриевич, и Елена Георгиевна были лично знакомы с теми или иными высшими руководителями СССР. Для А.Д. Сахарова, благодаря его особой роли в советском ядерном проекте, — это знакомство с Л.П. Берия, Н.С. Хрущевым, Л.И. Брежневым, не говоря уже о многих руководителях более низкого ранга. Для Е.Г. Боннэр — это в первую очередь близкая дружба ее отца Г.С. Алиханова с А.И. Микояном³, с которым они вместе боролись за установление советской власти в Закавказье и который более 30 лет был членом Политбюро ЦК КПСС. После того, как родители Е.Г. Боннэр были арестованы, А.И. Микоян в 1939 году предлагал усыновить ее и младшего брата. По его инициативе мать Елены Георгиевны Руфь Григорьевна Боннэр оказалась в числе первых реабилитированных — еще в 1954 г. и получила квартиру в Москве. Он

¹ См. Приложение 6. — Сост.

² С.В. Каллистратова (1907–1989), адвокат, участник правозащитного движения в СССР, член Московской Хельсинкской группы. — Сост.

³ Микоян Анастас Иванович (1985–1978) — член Политбюро ЦК КПСС (1935–1966), Первый заместитель Главы Правительства СССР (1955–1964), Председатель Президиума Верховного Совета СССР (1964–1965). Выступал против ввода советских войск в Венгрию в 1956 г. и против расстрела рабочих Новочеркаска в 1962 г. — Сост.

же предложил Е.Г. Боннэр войти в состав советской врачебной миссии в Ираке в 1959-1960 годах (см. об этом в Приложении 7), отсюда и необычные для простого советского человека разрешения на зарубежные поездки к друзьям матери и отца коминтерновцам в Польшу (1964 г.), к родственникам-коммунистам во Францию (1968 г.). Брак с А.Д. Сахаровым в январе 1972 г. поместил Е.Г. Боннэр в фокус внимания высшего политического руководства СССР, что, возможно, было некоторой защитой от прямой физической расправы, но одновременно сделало Е.Г. Боннэр и ее детей заложниками общественной деятельности Сахарова, в том числе стало невозможным ее лечение в СССР («Мы не знаем, что с Вами хотят сделать. Но Вам необходимо срочно выписаться, как сумеете, под каким угодно предлогом!», см. стр. 98).

Прежде, чем перейти к последовательному рассказу о жизненном пути нашей героини — одна незабываемая картинка, где-то конца 1970-х годов. Сидим мы вечером вдвоем на знаменитой кухне квартиры 68 на ул. Чкалова дом 48-Б, пьем чай. Разговор, естественно, о вещах тяжелых: арестованы создатели Московской хельсинкской группы (МХГ)¹ Юрий Орлов, Александр Гинзбург, Анатолий Щаранский, Мальва Ланда, аресты продолжаются, никаких надежд на будущее, возможность разумного реформирования СССР представляется иллюзорной. Я в своем духе пытаюсь сказать что-то обнадеживающее². Андрей Дмитриевич, в основном, молчал, но, когда в разговоре возникло слово «невозможно», он улыбнулся и произнес: «и невозможное возможно». А Елена Георгиевна тут же наизусть прочитала это знаменитое стихотворение Блока «Россия» с начала до конца:

Опять, как в годы золотые,
Три стертых треплются шлеи,
И вязнут спицы расписные
В расхлябанные колеи...

Россия, нищая Россия,
Мне избы серые твои,
Твои мне песни ветровые, —
Как слезы первые любви!

Тебя жалеть я не умею
И крест свой бережно несущу...

¹ См. Предметный указатель — Сост.

² «Боря, не говори ничего оптимистического на ночь», — эту замечательную фразу Е.Г. произнесла в один из похожих вечеров за чаем в кв. 68 уже после их возвращения из горьковской ссылки. Б.А.

Какому хочешь чародею
Отдай разбойную красу!

Пускай заманит и обманет, —
Не пропадешь, не сгинешь ты,
И лишь забота затуманит
Твои прекрасные черты...

Ну что ж? Одно заботой боле —
Одной слезой река шумней
А ты все та же — лес, да поле,
Да плат узорный до бровей...

И невозможное возможно,
Дорога долгая легка,
Когда блеснет в дали дорожной
Мгновенный взор из-под платка,
Когда звенит тоской острожной
Глухая песня ямщика!..

*Борис Альтшулер
Январь 2017 г.*

РАЗДЕЛ I

Даты, эпизоды жизни Елены Георгиевны Боннэр

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

1923-1969: «ДО ПРАВОЗАЩИТЫ»

*Даты жизни. Эпизоды детства и юности Елены Боннэр,
рассказанные ею самой.*

Даты жизни

1923-1924. Елена Георгиевна Боннэр родилась 15 февраля 1923 г. в г. Мерве Туркестанской автономной ССР в доме родителей отца — Левона Саркисовича Кочаряна (Кочарова).

Ближайшие родственники Е.Г. Боннэр:

Отчим (с 1925 г.) — Геворк Саркисович Алиханов (1897–1938). О нем подробнее: до 1917 года участник революционного движения в Закавказье вместе со своим близким другом и соратником А.И. Микояном, в 1920-1921 годах — первый секретарь ЦК КП(б) Армении, в 1920-е годы на ответственных партийных постах в районных комитетах РКП(б): Бауманского в Москве и ряде районов Ленинграда. В 1931-1937 годах работал в Исполкоме Коминтерна. Был близок с С.М. Кировым¹. Арестован 27 мая 1937 г., расстрелян 13 февраля 1938 г., посмертно реабилитирован. О бабушке Шушаник, матери Г.С. Алиханова, его сестре Айкануш, ее муже Геворке Габриеловиче Казаряне и их дочери Рузанне — см. на стр. 18–20 отрывок из книги Е.Г. Боннэр «Дочки-матери» ([1] стр. 24–27).

¹ Киров Сергей Миронович (1886-1934) — советский государственный и партийный деятель. Убийство Кирова 1 декабря 1934 г. послужило началом периода репрессий, известного как «Большой террор». — Сост.

Мама — Руфь Григорьевна Боннэр (1900–1987), партийный работник. Арестована 10 декабря 1937 г., 22 марта 1938 г. приговорена к 8 годам заключения в АЛЖИРе (Акмолинский лагерь жен изменников родины). По ходатайству А.И. Микояна была среди первых реабилитированных еще в 1954 г. и получила на ул. Чкалова (ныне Земляной Вал) на 7 этаже дома 48-Б двухкомнатную квартиру № 68, ставшую потом знаменитой¹.

Брат Е.Г. Боннэр — Игорь Георгиевич Алиханов (1927-1976).

Первый брак (1949 — 1965 гг.), муж Иван Васильевич Семенов (1925 — 1993), врач, однокурсник по 1-му Медицинскому институту г. Ленинграда; их дети:

Татьяна Ивановна Янкелевич (Семенова) (род. 1950),

Алексей Иванович Семенов (род. 1956).

Второй брак (1972-1989 гг.), муж Академик Андрей Дмитриевич Сахаров (1921-1989).

Другие значимые родственники:

Предки Е.Г. Боннэр с материнской стороны тесно связаны с г. Иркутском.

Дедушка — отец Р.Г. Боннэр: Григорий Рафаилович Боннэр (? — 1905)².

Бабушка — мать Р.Г. Боннэр: Татьяна Матвеевна Рубинштейн, в замужестве Боннэр (1879–1942); Батаня — так звали ее внуки — занимает «*главное место*» в детские годы Люси Боннэр. Брат Т.М. Боннэр, Моисей Матвеевич Рубинштейн, «дядя Мося», — автор классического труда «Очерк психологической педагогики» (Москва, 1913), основатель в 1919-1920 гг. Иркутского классического университета.

Дядя Е.Г. Боннэр (старший брат Р.Г. Боннэр): Матвей Григорьевич Боннэр (1898–1938) — арестован в октябре 1937 г., так как «приютил детей изменника родины», расстрелян. Его жена Калерия Степановна Скурлатова (Каля) (1907-2002), в ссылке с 1937 по 1957 гг. Их дочь Наталья Матвеевна Мищенко-Боннэр (род. 1935) — двоюродная сестра Е.Г. Боннэр.

Тетя Е.Г. Боннэр (младшая сестра Р.Г. Боннэр) — Анна Григорьевна Мордухович-Боннер (sic! — фамилия через «е») (1902-1975). Ее муж Лев

¹ См. Е.Г. Боннэр, «История квартиры 68», — Сост.

² «...В одну из экспедиций 1905 года он взял очень крупные кредиты и закупил большую, чем обычно, партию скота. При перегоне гурты попали в буран и основная часть стада погибла. Через несколько дней после возвращения домой Дед застрелился. Случайно моя мама видела это. Она играла на открытой галерее, идущей вдоль фасада дома, и как раз в момент самоубийства заглянула в окно комнаты отца. Мама всегда говорила, что это одно из самых страшных воспоминаний в ее жизни.» — Елена Боннэр, «Дочки-матери» [1] стр. 19-20. — Сост.

Матвеевич Мордухович (1902–1989). Их дочь Зоря Львовна Мордухович-Боннер (1926–2018) — двоюродная сестра Е.Г. Боннэр.

1924–1926. Живет в Чите с родителями, бабушкой (с материнской стороны) и многочисленными родственниками в доме бабушкиной сестры Софьи и ее мужа — Моисея Леонтьевича Клеймана (эмигрировали во Францию в конце 1920-х, отсюда «французская линия» родственников Е.Г. Боннэр).

1926–1927. Отъезд родителей из Читы в Ленинград; переезд к ним с БаТаней. Гостиница «Астория», дом на ул. Красных Зорь, «Гранд-Отель» — в больших многолюдных квартирах в домах для партийных и советских работников, «где беспартийными были только БаТаня, няня и дети», проходит раннее детство Е.Г. Боннэр. Зимой ходит в детский сад, летом — на даче. 27 августа 1927 г. родился брат Игорь (Егорка).

1928–1930. БаТаня учит грамоте. Увлечение «рифмованным» чтением, поступление в школу в Ленинграде.

1931. Переезд к родителям в Москву, в гостиницу «Люкс» на Тверской ул.: дом работников Коминтерна. Родители в эти годы (1931–1937): отец — член Исполкома Коминтерна, заведующий отделом кадров Коминтерна; мать — работает в Институте Маркса-Энгельса-Ленина, затем в Московском комитете партии.

Поступление во 2-й класс московской школы, знакомство с Севой Багрицким¹ (дружба и любовь до его гибели в 1942 году) и его родителями: поэтом Эдуардом Багрицким (1895–1934) и Лидией Густавовной Суок (1895–1969), ставшей другом Е.Г. Боннэр на всю жизнь.

1932–1937. Почти год в больницах (1934). Потрясение от убийства С.М. Кирова (1934). Аресты ближайших друзей родителей. «Пушкинский год» (1936). Поездка в Артек. Перемены в доме. «Ромео и Джульетта». Окончание семилетки. Арест Г.С. Алиханова. Арест Л.Г. Багрицкой. Переезд с братом Игорем к БаТане и дяде Матвею в Ленинград. Арест дяди и высылка его жены. Арест матери. Допросы в Большом Доме.

1938–1941. Учеба в ленинградской школе и работа уборщицей домоуправления. Окончание школы. Поступление в Ленинградский педагогический институт им. Герцена на вечернее отделение. Работа.

1941. Курсы РОКК (Российское общество красного креста). Добровольный уход в армию. На фронте санинструктор и замполитрука в санитарной летучке. Первое ранение и тяжелая контузия (1941 г.). Лечение в госпиталях.

¹ Багрицкий Всеволод Эдуардович (1922–1942), поэт, рано потерял отца (поэт Эдуард Багрицкий ск. в 1934 г.) и мать (Л.Г. Суок-Багрицкая была арестована в 1937 г.) — см. [12] и, напр., <https://www.stihi.ru/2004/02/21-1138> — Сост.

1942. Гибель на фронте Севы Багрицкого. Смерть БаТани в блокадном Ленинграде.

1942–1945. Служба на военно-санитарном поезде (ВСП) № 122. Второе ранение. Присвоение звания лейтенанта мед. службы. Направление в Беломорский военный округ. Демобилизация с инвалидностью второй группы. Поездка в Казахстан на свидание с матерью.

1946–1947. Возвращение матери из заключения. Угроза полной слепоты в результате контузии. Двухлетняя борьба за сохранение зрения.

1947–1953. Поступление в 1-й Ленинградский Медицинский институт имени акад. И.П. Павлова. Учеба в институте. Брак с однокурсником Иваном Васильевичем Семеновым. Рождение дочери Татьяны (24 марта 1950 г.).

1952–1957. Работа в детской больнице им. Филатова в должности медсестры. Затем: врач-ординатор Акушерской клиники, Заместитель директора по учебной части и преподаватель курса «детские болезни» Медицинского училища № 16 при 1-м Ленинградском Медицинском институте им. акад. И.П. Павлова. Исключение из института. Восстановление и окончание Медицинского института по специальности микрopedиатрия.

«В январе 1953 года на страну обрушивается дело «врачей-убийц». Повсюду проводятся собрания, на которых трудящиеся требуют смертные казни для арестованных. Среди них — профессор Люсиного института Василий Васильевич Закусов. Люсе, профсоюзной и комсомольской активистке, поручили выступить на общем собрании. Вместо ожидавшихся от нее слов она (может неожиданно для самой себя) сказала: «Ребята! Вы что, с ума посходили — смертную казнь В.В.?». Ее исключили из института. Но вскоре Сталин умер. Приказ об исключении был аннулирован». (А.Д. Сахаров, «Воспоминания», [3] стр. 493–494).

1954. Реабилитация матери, восстановление в партии, получение ею квартиры в Москве; посмертная реабилитация отца.

1956. Рождение сына Алеши (27 июля 1956 г.).

1958–1960. Преподаватель по педиатрии Ленинградского медицинского училища № 14.

1959–1960. Командировка от Минздрава СССР в Ирак. Врач — руководитель группы медсестер в Курдистане в период кампании ВОЗ по борьбе с оспой. Врач родильного отделения детского госпиталя в Багдаде.

«Анастас Иванович Микоян, который был близким другом моего папы, погибшего в 37-м, включил меня в группу врачей, отправлявшихся из СССР в Ирак. Тогда, в начале 60-х, была объявлена всемирная кампания по борьбе с оспой. Зарплату нам платила Всемирная организация здравоохранения... Кампания была рассчитана на год, но фактически мы все сделали быстрее. Я работала в Иракском Курдистане — в Сулеймании и вокруг нее... Я была руководителем группы медсестер и студентов Багдадского медицинского колледжа. Но у нас была и военная группа. Так